

№ 28

Pushkin

E. VIRAL Frontispiss A. Puškini poemile „La Gabriélide“ Vasegravitür.

ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ В ТАРТУ 2

губ.<ернатор> Корсаков etc. etc. Многие оштрафованы денежно, другие сосланы в Сибирь, нек.<оторые> наказаны телесно, другие — смертью etc. *Кикин* и *Корсаков* наказаны жестоко (?). С другими Петр примирился, празднуя их помилование пушечной пальбою. etc. etc.» (X, 182). «Наказание преступления, — продолжает Макогоненко, — Пушкин одобряет. Наказание было разным: кто сильно зарвался — был казнен, других сослали, а когда появилась нужда в способных людях, некоторые были возвращены (например, Кикин). Третьих оштрафовали — казне были возвращены награбленные суммы»⁵. Но после наказания должно наступить «примирение» — и к нему Пушкин, по мнению Г. П. Макогоненко, призывает царя.

Картина, нарисованная Макогоненко, нуждается в уточнении: более других «зарвался» Меншиков и уже не в первый раз, но пострадал он менее других. Кроме того, при таком подходе остается открытым вопрос о том, почему Пушкин, говоря о декабристах, использует историю казнокрадства и ситуацию, когда Петр из-за личной привязанности к Меншикову не стал его наказывать, тогда как другие были наказаны «жестоко» и «смертию».

Для того, чтобы понять роль выписки из Ломоносова в сюжете сюжетной основы пушкинского стихотворения, необходимо подробнее остановиться на ряде вопросов. Во-первых, какие именно события легли в основу пушкинского стихотворения, и отсылает ли стихотворение к исторически определенной ситуации. Во-вторых, какую роль для Пушкина в процессе работы над стихотворением играет (и играет ли) «Слово похвальное» Ломоносова.

Стихотворение строится как загадка, обращенная к читателю. В основу его сюжета (или, скорее, псевдосюжета) положена цель предположений⁶. Однако вопрос («Что пирует царь великий»?) отнесен в начало второй строфы. Первая же строфа сама по себе не содержит загадки: здесь дано описание торжества, которое легко опознается как торжество именно петровской эпохи. Дополнительной «подсказкой» для читателя является отсылка к вступлению «Медного всадника», опубликованного за год до «Пира Петра Первого»:

“СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ”

ЛОМОНОСОВА

В КРУГУ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ “ПИРА ПЕТРА ПЕРВОГО” А. С. ПУШКИНА

ЕЛЕНА ПОГОСЯН

Пушкин написал «Пир Петра Первого» в 1835 г. «Пир Петра Первого», — пишет Н. В. Измайлов, — «...» как признано давно комментаторами, является своего рода программой, декларативным произведением <...>. Пушкин указывал современному царю на необходимость великодушия в самодержце <...>. В связи с десятилетием восшествия Николая на престол (нынеми словами — с десятилетием восстания 14 декабря) можно было, казалось, ожидать амнистии декабристам»¹.

Подробная справка по вопросу об исторических источниках стихотворения дана в книге Г. П. Макогоненко «Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833–1836)»: «В комментариях обычно указывается, — пишет он, — что стихотворение основано на словах Ломоносова о милосердии Петра». Выписку из ломоносовского «Слова похвального Петру Великому» Пушкин поместил во «Введении» к «Истории Петра»: «Петр, простив многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной пальбою праздновал с ними свое примирение (*Ломоносов*)» (X, 15²; курсив автора — Е. П.). «Но о событии, упомянутом Ломоносовым, — продолжает Г. П. Макогоненко, — Пушкин знал подробно из сочинения Голикова³ о Петре, которое конспектировал с января 1835 года. Под годом 1714 Пушкин записал, что злоупотребления в государстве год от года увеличивались, что наконец фискалы открыли “источник беспорядков”⁴. «Преступниками явились, — писал Пушкин, — кн. Менш.<иков>. гр. Апракс.<ин>, ген.<срал>-фельдцехм.<ейс-тер> Брюс, президент адмиралт.<ейский> Кикин и в.<ице>

Все флаги в гости будут к нам
И запируем на просторе (V, 135).

Здесь пир («запируем на просторе») имеет символическое значение, он заменяет вожденный для Петра итог преобразований и военных побед.

Забегая вперед, отметим, что при таком понимании пира — как символического выражения достижений и свершений петровского царствования, итоговое «с подданным мирится» также может быть понято максимально широко. Быть указанием на то, что подданные наконец поняли и приняли петровские реформы. Именно о таком примирении с народом Пушкин пишет под 1709 г. в «Истории Петра»: «21-го <декабря> вошел в Москву при пушечной пальбе, колокольном звоне, барабанном бое, военной музыке и восклицании *на конец с ним примиренного народа*: здравствуй, государь, отец наш!» (X, 124; курсив мой. — Е. П.).

Уточнения, которые внесены в «Пире» к исходной ситуации вступления «Медного всадника», характерны: Пушкин дает перечень деталей (наличие торговых кораблей, пир или пушечная пальба), он дает движение взгляда наблюдателя (от Невы к «царскому дому») и наделяет повествователя способностью не только видеть, но и слышать происходящее. Внимание читателя, таким образом, оказывается сфокусировано на проблеме повествователя: возникает ощущение, что повествователь присутствует в момент пира в Петербурге, и хотя не на самом пире, но может слышать «хмельную речь» гостей.

Вопрос, поставленный в начале второй строфы —

Что пирует царь великий
В Питербурге-городе? —

уточняет вопрос о «кругозоре» повествователя. Повествователь не знает причины пира, он может быть или иностранцем, или человеком, который, как, например, герой «Арапа Петра Великого», вернулся в Россию после долгого отсутствия. Для Пушкина само выражение «Питербург-городок» имело специфику, которая, видимо, не была понятна читателю. А. Архангельский поясняет эту характеристику Петербурга следующим образом:

Стилизуя свой текст под речение простосреднего рассказчика, для которого в сочтании «Питербург-городок» нет тавтологии, а само название северной столицы восходит к немецкому «Петер» не прямо, а через опосредующую русификацию — «Питер», — Пушкин словно бы сделал еще одну уступку вкусам царя <Николая I. — Е. П.>, подчеркнуто предпочитавшего «простонародное» — «интеллектуальному». Но этот официальный тон резко оттенял неофициальное содержание⁸.

С представлением о наименовании «Питербург-городок» как о форме русифицированной согласится нельзя. В беловом автографе Пушкина стояло «Питербурх» (как называет его сам Петр), а в переведенных Пушкиным «Записках бригадира Морде-Брезе» француз, состоящий на русской службе, который «не любит русских и недоложен Петром», называет Петербург «новый укрепленный *городок*» (X, 253, 255). «Городком» Питербург кажется при взгляде из Европы: после Парижа Ибрагим видит Петербург «новорожденной столицей», что исходно было подчеркнуто Пушкиным именно уменьшительными формами, как и в случае «городка» (например, не «дома», а «деревянные домики»), и «Государева коляска» останавливается не перед «дворцом т.<ак> н.<азываемого> Царицына Сада», а перед «домиком построенным на Голландский манер» — VIII-I, 10; VIII-II, 507).

В то же время вопрос «Что пирует царь?» сам по себе (уже как обращенный и к читателю) может быть прочитан двояко. В одном случае ответ на вопрос — *что именно* «пирует Петр», — вернее, выбор верного предположения, должен придать исходной ситуации *историческую и хронологическую конкретность*. В другом — речь может идти о *характере события*, послужившего причиной пира (*событие какого рода* может «пировать Петр»?).

Дальнейшие вопросы-предположения, которые выстраивает автор, именно с точки зрения их ориентированности на конкретную историческую ситуацию, образуют определенную последовательность.

Само описание пира Петра может быть опознано только как торжество, которое имело место в Петербурге, то есть после 1703 г. Царским домом тогда мог быть назван деревянный «дво-

рец на 9 саженьх в длину и 3-х в ширину, о 2 поках с снями и кухню» построенный в крепости «на месте, где стояла рыбацья хижина» (X, 64) — или любой из дворцов, построенных позднее при жизни Петра. Но в 1703 г. говорить о «флагах пестрых судов» было бы еще рано — в этом году в Петербург к 15 декабря пришел первый голландский корабль с товарами (X, 65).

Первый вопрос-предположение —

Ожарен ли чеством новой

Русский штык или русский флаг. —

может означать как победу на суше⁹, так и на море («флаг» уже связан в стихотворении с «судами»). Но «новая честь» может означать и пожалование нового статуса какой-либо категории войск.

Второй вопрос-предположение —

Побежден ли швед суровый? —

уточняет предыдущий вопрос — речь теперь идет именно о военной победе и именно над шведами. При этом по-прежнему торжество можно отнести к любой из побед над шведами.

Наконец, последнее предположение этой строфы —

Мира ль просит грозный враг. —

отсылает к конкретной ситуации 1721 г. До этого (что Пушкин отмечает в «Истории») инициатива мирных переговоров принадлежала Петру (X, 92–93), Карл же соглашался подписать мир только в Москве. Пушкин, таким образом, вплотную подводит читателя к разгадке (положительный ответ в двух предшествующих случаях означал бы новую загадку: если речь идет о победе над шведами, то которая победа имеется в виду?). В то время условный наблюдатель-современник первой строфы должен знать, что мир еще не заключен, поскольку факт заключения мира однократен (он может полагать, что празднуется очередная победа, но не очередное заключение мира со шведами).

В третьей строфе предполагаемая ситуация предельно конкретна («триумф старого Ботика», 10 августа 1723 г., X, 237), но модус повествования совершенно новый (это подчеркнуто и

тем, что предположению, за которым стоит только одна конкретная ситуация, отведено самое большое текстовое пространство). Описание торжества, посвященного ботике, не только детально, но исторически достоверно. То есть читатель теперь определенно знает, что перед ним не сомнения неосведомленного наблюдателя, а рассуждения иного рода. Кругозор повествователя лучист, наконец, определенность: перед нами не наблюдатель-современник, а лицо, стоящее за пределами петровской эпохи: он знает, каким *было* торжество, посвященное ботике. Задача его не в том, чтобы найти причину, которая ответственствовала бы форме и масштабам торжества, описанного в первой строфе, а в том, чтобы сопоставить два описания и ответить, не являются ли они описанием одной и той же исторической ситуации. По отношению к событиям петровской эпохи он «читатель» повествований о Петре, а не наблюдатель.

Четвертая строфа, как и вторая, — краткий перечень предположений. Но теперь перечень составляют не окказиональные, разовые «случаи», но, скорее, календарные (годовщина Полтавы, именины императрицы) или же составляющие ритм частного быта монарха и полагающие начало новому, регулярно отмечаемому торжеству (рождение детей у императрицы и празднование их дней рождения). Вся серия предположений связана не с военным, а с мирным бытом. Прямые оценки («спас от Карла», «чудотворец») подчеркивают историческую дистанцию, а характеристика «чернобровая» указывает на обращение повествователя не только к словесным рассказам о петровской эпохе, но и к портретам Екатерины.

При всем этом количество возможных ответов на вопросы, несмотря на отнесение их к событиям «регулярным», невелико (тогда как события уникальные вели именно к широкому расхождению потенциальных ответов). К концу строфы, с которым совпадает и последнее предположение о причине торжества неопределенность нарастает. Годовщина Полтавы по данным Пушкина отмечалась при жизни Петра в Петербурге в 1710-м («Петр отпраздновал день Полт.<авского> сражения по новочинской службе и повелел праздновать оный в роды родов» — X, 129) и 1713-м (X, 171); слова «родила ль Екатерина» могут

быть огнесены к 1714 г. (но с некоторой натяжкой — специального торжества по случаю рождения дочери не было: «Петр торжествовал морскую победу свою, как Полтавскую, Екатерина родила ему 12-го сент. <ября> дочь Наталью» — Х, 180), но скорее к 1715 г. («Окт. <ября> 29-го родился царевич Петр Петрович <...> 7 ноября крещен царевич. За праздничным обрядом...» — Х, 188). Именины Екатерины могли праздноваться с такой торжественностью после 1712 г.

Отгадка («с подданным мирится») исторической и хронологической ясности не вносит.

Как уже говорилось, эпизод, пересказанный в стихотворении, в «Истории Петра» отражился дважды: во «Введении» он приведен как выписка из Ломоносова, под 1714 г. — сокращенный пересказ из «Деяний Петра Великого» Голикова. Обе выписки Пушкина были приведены выше. Голиков же под 1714 г. писал:

Которые не могли оправдаться, те по мере преступлений своих были наказаны: одни штрафованы денежным взыскаием, другие лишены чинов и имения, иные сосланы в Сибирь, а за важнейшие преступления, сверх отнятия имения, наказаны были публично на теле, а некоторые и смертию. Из знатнейших же более других возчувствовали строгость наказания Кикин и Корсаков. Чтож касается до Князя Меншикова и до Графов Апраксина и Брюса, <...> они не только получили прощение, но еще великодушный Государь изъявил о том и сердечную радость принятием их к столу своему и пушечною пальбою¹⁰.

Речь у Голикова идет, как мы видим, о прощении сразу троих преступников.

Техника «конспектирования» Пушкиным труда Голикова была подробно описана в книге Фейнберга «Незавершенные сочинения Пушкина». Он пишет: «Кроме материалов, включенных в «Деяния Петра», Пушкин нашел у Голикова важные библиографические ссылки, которые должны были его заинтересовать». Так, например, «Голиков о “сечении” царицы умалчивает, но ссылается на “венецианское издание”, где сообщается о бичевании <...>. Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина». Пушкин именно отсюда делает выписку о сечении царицы¹¹. Можно

не сомневаться, что Пушкин следует ссылкам Голикова, и когда речь идет об эпизоде примирения Петра с преступниками.

Рассказывая о злоупотреблениях, Голиков ссылается на уже упомянутое «венецианское издание» и «Примечания на судейник» В. Н. Татищева. В «венецианском издании» — «Житии Петра Великого» Захарии Орфелина — интересующий нас эпизод описан следующим образом:

Государь любил всех упомянутых господ за службы, которые они пред ним отечеству оказывали, но презрел их тотчас, как они были пойманы в тайном обижении тогож отечества. У него не было лицемерия. Он хотел правосудия всем равно <...>. И тако все оные господа, которые не могли оправдаться, были приговорены на жестокое наказание. Некоторые имели заплатить свои, но не большие преступления деньгами, некоторые биты кнутом и батогами, а другие и в Сибирь сосланы, имения же их отписаны на Государя¹².

Голиков следует этому источнику почти дословно.

В. Н. Татищев был не только современным событий 1714 г., но долгие годы находился с графом Брюсом, одним из «знатных преступников», в самых близких дружеских отношениях и интенсивной переписке. В примечаниях на «Судейник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича» Татищев писал: «Кому не в памяти, что было во время мудраго государя Петра Великаго, когда он не имел способа Сам в правительстве быть, которое 1714 году довольно открылось и многим знатым по их неистовствам наказания чинены»; «многие знатные не токмо имения, но чести и живота лишились»¹³. Здесь Голиков находил авторитетное свидетельство о самом следствии, «знатности» замешанных лиц и характере наказаний.

Отметим сразу же, что ни о факте прощения преступников, ни о публичном примирении с пушечной стрельбой в источниках Голикова сведений нет. В документах, которые были опубликованы или пересказаны во втором издании «Деяний Петра» (оно вышло в 1837 г.), таких сведений также нет.

Во «Введении» к «Деяниям Петра» (Ломоносов у Пушкина полагается, как уже указывалось, именно в контексте «Введения») Голиков подробно останавливается на обвинениях Петра в жестокости, когда речь заходит о смерти царевича Алексея

(в комплекте Пушкина слова Ломоносова также следуют за выписками о царевиче). Автор «Деяний» говорит о манифесте, где Петр сообщает о преступлениях и гибели своего сына. Здесь царь пишет, что в отношении к сыну им руководил «страх суда Божия за предание поданных в руки столь недостойного Государя». Далее Голиков приводит слова из похвального слова Петру Фонтенелю, произнесенного по случаю принятия царя в члены Французской Академии:

Надеяние <...> с каким он <Петр. — Е. П.> поставил весь свет судью в своем поступке, и доказывает, что совесть его в том ничем не язрит. Знатные милосердия, оказанные им особам не столь любезным, ни столько надобным (**), изъясняют также, что строгость его к сыну своему должна была быть необходимою.

К словам Фонтенеля Голиков добавил уже знакомую нам по Пушкину ссылку (**):

Г. Ломоносов прибавляет к сему: «Из многих милосердия его примеров докажет то один: Простив он многих знатных особ за тяжкие преступления, объявил сердечную радость принял их к столу своему и пущечною пальбою»¹⁴.

То есть сведения о публичном прощении преступников и пире Голиков заимствует из Ломоносова и уже сам объединяет их с рассказом о злоупотреблениях, открытых в 1714 г. Пушкин, видимо, легко обнаружил этот факт после проверки отсылки.

У Ломоносова заинтересовавший Голикова и Пушкина эпизод не имеет ни хронологической, ни событийной конкретности. Ломоносов писал:

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства, однако в сердце Его написано было правосудие. Хотя не все в книгах содержалось, но делом совершалось. При том милость на суде хвалилась и в самых тех случаях, когда многим Его делам препятствующия злодеяния к строгости принуждали. Из многих примеров один докажет. Простив многих знатных особ за тяжкие преступления, объявил Свою сердечную радость принятием их к столу Своему и пущечною пальбою¹⁵.

Голиков и после прямой ссылки на этот отрывок продолжает обращаться к Ломоносову. Он вспоминает, что «блаженство

всех <...> поданных Екатерины II» утверждено «спасительными Законами, премудро начертанными сею Владычицею» (у Ломоносова, как мы видели, Петр из-за отсутствия «порядочных законов» вынужден руководствоваться своим «сердцем»). Далее Голиков приводит еще одну обширную цитату из «Слова» и, наконец, останавливается на теме «милосердия» Петра:

Не хотят замечать великих его низхождений к согрешающим и ему досаждающим <...> а История его и наполнена такими Отеческими низхождениями: но я, оставя все прочие, напомяну <...> о разительнейших из оных. Сей Великий Государь, при самой очевидности явного оскорбления Своего Величества, умел Себя воздерживать, доколе не исследовано будет дело в точность; и естли находил, что погрешность происходила из любви к Отечеству, или хотя для мнимой пользы Государства, то прощал всегда виновных. и вместо того, чтоб их наказывать, благодарил еще за усердие ко благу Отечества (*). Он и против даже самого тяжкого преступника тот час умягчался и был готов прощать, естли усматривал в нем искреннее в преступлениях своих признание, так что можно о нем сказать, что не было такого греха, который бы силен был победить его милосердие. Самые на здравие его умышлявшие злодеи испытали на себе его милосердие, когда только с раскаянием открыли грех свой, и словом, из сея милости его исключались только ожесточенные¹⁶.

Ссылка (*) указывала на воспоминания о Петре А. Нартова, который рассказывал, например, о трех случаях прощения Меншикова (в том числе и после наказания дубинкой). Здесь же можно было найти иллюстрации ко всем перечисленным Голиковым формам «милости» Петра.

В приведенном рассуждении, как мы видели, Голиков, вслед за Ломоносовым, подчеркивает, что прощалось даже то, что «препятствовало делам» Петра (здесь — «ему досаждающие»), а также факт *многоразитых* актов милосердия.

Пушкин в своей «Истории Петра» определенно уделяет особое внимание именно случаям, когда Петр наказывает немногих, многих же прощает. Особенно внимательно Пушкин следит за тем, как Петр поступает в случаях бунтов или заговоров на его жизнь, кого казнит, а кого прощает¹⁷.

В этом контексте Ломоносов как будто не является центром внимания Пушкина и оказывается в кругу его источников только через Голикова. Пушкин включается в рассуждения Ломоносова, Фонтенеля, Нартова, Орфелина о склонности Петра к жестокости и милосердию. И эта линия работы Пушкина над историческими сочинениями отразилась в событийной неопределенности стихотворения: Пушкин был уверен, что описанный у Ломоносова эпизод *мог быть одним из многих*. «Исторический» план стихотворения повторяет, таким образом, ход работы Пушкина с историческими источниками, что подчеркнуто и фигурой повествователя, кругозор которого — это кругозор Пушкина-историка.

Вернемся к стихотворению. Уже со второй строфы автор готовит читателя к тому, что ответ на вопрос «Что пирует царь?» будет неожиданным. Ряд предположений основан на объединении крайностей: «великий» царь пирует в «городке»; «утлый бог», «дед», «старик» противопоставлен «ноному флоту», «внукам»; Карл¹⁸ — «исполину» Петру. По логике нагнетания предположений именно соединение крайностей может быть достойным удивления событием. И тут фигура Меншикова как будто не противоречит логике развития лирического сюжета. Имя — Меншиков — делает его идеальным персонажем для противопоставления «исполину», «великому» и «первому». Эта контрастная событийной линия развития сюжета ведет к теме события, которое происходит вопреки правилам и законам.

Как мы видели, Пушкин не должен был непосредственно обращаться к «Слову», чтобы использовать рассказ Ломоносова о примирении и пире. Однако, Пушкин использует в стихотворении не только слова Ломоносова о прощении преступников. В том же слове Ломоносов писал:

Покрываются Неяская струн судами и флагами, не вмещают береги великого множества стекшихся жителей, колеблется воздух и стонет от народного восклицания, от шума весел, от трубных голосов, от звука огнедышущих махин. Какое счастье, какую радость нам небо посылает? Кому на сретение Монарх наш выводит? Ветихому бошкуну, но в новом и сильном первенствующем Флоте <...>

ской смелости в предприятии и неукротимой в совершенни бодрости Петровой¹⁹.

В стихотворении Пушкина мы находим целый ряд лексических и образных заимствований:

Ломоносов:

Покрываются Неяская струн
судами и флагами

звучка огнедышущих махин

колеблется воздух и стонет
от народного восклицания

Ветихому бошкуну, но в новом
и сильном первенствующем
Флоте

Пушкин:

Над Невою резво выются
Флаги пестрые судов.

И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена:

И пальба, и гром музыки.

Оттого-то шум и клики
В Петербурге-городе.

Иль в отъятый край, у шведа
Прибыл Брантов утлый бог,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот

Стих «И в чело его целует», видимо, отсылает к «Слову» же, где Ломоносов говорит, что Петр обращался к «своим ближним верным подданным» «со слезами прося» и «целует» (597). В «Пире Петра» Пушкин, введя за Ломоносовым, использует настоящее время (что должно создавать ощущение исторического присутствия, но Пушкин сам намеренно его разрушает в третьей строфе). Пушкин, как и Ломоносов (в рассказе о торжествах, посвященных ботикку), использует серию вопросов-предположений таким образом, чтобы ответ был неожиданным и как будто противоречил вопросам. У Ломоносова — не «счастье» и не «радость», которые «небо посылает», а всего лишь «ветхий ботик»; у Пушкина даже не ботик, а примирение с подданным. В то же время читатель понимает, что контраста и неожиданности нет — предмет незначительный на самом деле и есть наиболее значительный, то, что «небо посылает».

Слова из стихотворения «Родила ль Екатерина», идущие вслед за упоминанием годовщины Полтавы, также находят параллель в «Слове» Ломоносова (здесь речь идет о рождении

Елизаветы Петровны, что совпало с торжествами по случаю Полтавской победы): «Коль чудны Божии судьбы видим. Слушатели: с рождением победы»³⁰. *Рождение* Елизаветы Ломоносов сравнивает с *победой*. Родилась царевна, а не царевич, но, вопреки «людскому смотрению», которое не могло постигнуть «чудныя Божия судьбы» (587), именно Елизавета становится Российской императрицей. Для Ломоносова рождение и победа сопоставимы не только по причине хронологического совпадения, но потому, что оба события отвечают в одинаковой мере на вопрос «от Бога ли на земли обладатели поставляются или по случаю державы достигают» и являются «ясными признаками Божия Провидения» (586). Как Елизавета вопреки обстоятельствам становится императрицей, так и победы Петра вырастают из противного им — детских игр: «Кто мог помыслить, что от детской, как казалось, игры толь важное, толь великое могло возрасти дело?» (593).

«Победа» поэтому приобретает у Ломоносова и более широкий смысл — как торжество Божественного промысла, которое доступно пониманию человека лишь через непостижимость произошедшего — его чудесный характер: «Не возможное учинилось возможным» (593)³¹.

Для Пушкина ломоносовское сопоставление рождения и победы становится актуальным в связи со словами Петра (Пушкин воспроизводит их в «Истории»): «За утешение семимсячного бунта принес богу благодарение, уподобив онос важнейшей победе» (X, 116). На пересечении (видимо, случайном — Ломоносову документы петровской эпохи были известны в самом ограниченном объеме) слов Петра и концепции «победы» в «Слове» возникает пушкинская формулировка «и прощенье торжествует как победу над врагом»³².

«Пир Петра» — не первое и не единственное обращение Пушкина к «Слову» Ломоносова. Так, сразу за словами о прощении знатных преступников, Ломоносов говорит о Петре: «Не отягощает его казнь стрелецкая». Далее автор «Слова» поясняет логику Петра:

Конечной пагубы не пресеку казнию, уже вижу наперед площади, наполнены трупов, расхищаемые дома, разрушаемы храмы, Моск-

ву, со всех сторон обьемлему пламенем, и любезно отечество повержено в дыму и в пелеле. Все си пагубы, слезы, кровь на мне Бог възыщет»³³.

Пушкин следует за Ломоносовым в «Стансах»:

Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Он, как мы видели выше, искал возможность событийно приурочить описанный у Ломоносова пир. Одной из версий могла быть история прощения стрелецкого сына, к которой Пушкин неоднократно возвращался³⁴. Однако в «Слове» Ломоносова вопрос о стрелецком бунте и вынужденной жестокости Петра был лишь одним звеном значительно более универсальной цепочки.

Восшествие Елизаветы на престол Ломоносов сравнивает с началом правления Петра. «Внутренние болезни бывают бедственнее наружных. — пишет он, — так и в недрах государства воспитанная опасность вредительнее внешних нападений. Удобнее наружные язвы исцеляются, нежели внутренние повреждения» (587–588).

Петр «своих искоренил изменников» (586; у Ломоносова стрелцы и Мазепа сополагаются); чтобы пресечь пролитие крови многих, казнил немногих. Елизавета же «вскоренивший вред внутрь России без всех наших томлений истребила». «Она не хотела пролития крови» и потому медлила с восшествием на престол. Благодаря ей «внутренние враги побеждены без пролития крови»: «земля не обагрывается Российской кровию»³⁵. Пролитие крови в случае «внутренних повреждений» для Ломоносова — законно и спасительно, но если кровь не пролита, то ситуация получает совсем иной статус: совершено «не вероятное» и «чуждое» (обе характеристики использованы в «Слове» многократно), то, что является «признаками Божия Провидения». Такая оценка Елизаветы не означает принижения Петра — Ломоносов приводит длинный ряд примеров «не возможного» из истории правления Петра (вплоть до «чуда» «схождения по сухому пути галер Петровых»³⁶).

Наконец, в том же отрывке «Слова» Ломоносова про пир по-прежнему еще одна актуальная для Пушкина тема. «Правда, —

пишет Ломоносов. — победителям разум удивляется, великодушных *любим* сердце наше»³⁷. Эти слова могут быть рассмотрены как одна из параллелей к стихотворению «Друзьям» («Его просто полюбил») и записи в дневнике от 7 апреля 1834 г. «Я ужасно люблю царю» (XII, 324).

Любовь к монарху в «Слове» является одним из идейных центров и примыкает к описанной уже концепции «невозможного». «Мы ныне, — пишет, например, Ломоносов. — озираясь на оныя минувшия лета, представляем, коль великою любовию, коль горячею ревностию к Государю воспалось начинающееся войско, видя Его в своем сообществе, за одним столом, туже приемлюще пищу, видя лице Его пыльно и потом покрытое <...>. Монархи ничем так величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могут, как подобным сему снисхождением»³⁸. «Снисхождение» к подданному в значении пространством (спускаться вниз, «как мастер, <...> как рядовой солдат») объединено у Ломоносова с понятием милосердия, то есть человеческого снисхождения. и в том, и в другом случае поданный отвечает на снисхождение любовью к монарху. Вся ситуация «Пира Петра Первого» построена на основе такого двойного понимания «снисхождения»³⁹.

Стихотворение Пушкина, таким образом, ориентировано читателя на поиск, вслед за повествователем-историком, фактической основы описанных событий и, в то же время, формулирует одну из базовых, с точки зрения автора, идиологем, определяющих отношение монарха и подданного. Именно во втором случае «Слово» Ломоносова является актуальным для понимания стихотворения контекстом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 237.
- 2 Здесь и далее сочинения Пушкина цитируются по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Л., 1938–1948; с указанием тома и полутома — римской, страницы — арабской цифрой в тексте; во всех неоговоренных случаях курсив автора.
- 3 Имеется в виду: Голицынов И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 1–12. М., 1788–1789.

¹ Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833–1836). Л., 1982. С. 324–325. Пумпянский также полагал, что героем стихотворения «Пир Петра Первого» является Меншиков, хотя специально на этом вопросе не останавливался (*Пушкинский Л. В.* Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 209).

² Макогоненко Г. П. С. 325.

³ В связи с этим Л. В. Пумпянский в упомянутой выше статье писал: «Глупость, опуская все возможные причины, прямо попадает в единственно верную и на вопрос: почему пир в Петербурге? — прямо отвечает: потому что царь мирится с Меншиковым. Это при- митивизм. У Пушкина семь возможных причин и восьмая верная» (*Пушкинский Л. В.* С. 209).

⁴ Ранее, под 1704 г. при описании торжественного въезда в Москву в 1704 г. Пушкин уже поднимал эту тему: «Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов <...> и начинал мириться с нововведениями» (X, 71).

⁵ *Архангельский А.* У парадного подьезда. М., 1992. С. 162. Благодарю Р. Г. Лейбова, любезно указавшего мне на эту работу.

⁶ Выражение «русский штык» становится стандартной формулой для описания русских войск в эпоху «варварских» побед Суворова (в одах Ломоносова, например, «штык» не встречается). Пушкин специально записал, что в петровскую эпоху «Багинетами назывались штыки» (X, 92).

⁷ Голицынов. Т. 5. С. 279–280.

⁸ *Фейнберг И.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1979. С. 90.

⁹ Житие и славные дела Государя Императора Петра Великого. В Венеции. 1772. Ч. 2. С. 75.

¹⁰ *Татищев В. И.* История Российская. Т. VII. Л., 1968. С. 279 и 334.

¹¹ Голицынов. Т. 1. С. 119.

¹² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.: Л., 1959. Т. VIII. С. 608.

¹³ Голицынов. Т. 1. С. 120, 123, 124–125.

¹⁴ Работа над «Историей Петра» постоянно возвращала Пушкина к восстанию 1825 г. Так, после довольно долгого перерыва, Пушкин внезапно возвращается к работе над ней 14 декабря 1835 г. и за сутки доводит рассказ до смерти Петра (заполняет целую тетрадь).

¹⁵ В скатерининскую эпоху складывается традиция пародийного описания шведских монархов как «карлов» (подробнее об этом: *Погосян Е.* Богатырская тема в творчестве Г. Р. Державина // Классицизм и модернизм. Сборник статей. Тарту, 1994. С. 38–54).

¹⁶ Ломоносов. С. 602. Курсив мой. — Е. П.

²⁰ Там же. С. 587.

²¹ Эта формулировка, насколько нам известно, восходит к переводу Тредиаковским оды Штелина 1736 г. и сохраняет свое значение указания на непостижимость для смертного судеб Империи у Блока.

²² Кроме того, как указывает В. Э. Вацуро, Пушкин помнил слова из «Семиры» Сумарокова (речь идет о монологе Оскольда):

Щедрыта к пленникам есть выше всех побед

«Не исключено, что эти же строки, отложившиеся в литературном подосновании, дали в "Пире Петра Первого" сопоставление "прощенья" и "победы"» (Вацуро В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 313–314).

²³ Ломоносов. С. 608–609.

²⁴ Так, В. С. Листов пишет: «Еще до набросков о сыне казенного стрельца в сознании Пушкина возник образ героя, чья вина перед Петром восходит к временам стрельцкого бунта и отягчена казнью родственника. Прощение и выгодная женитьба» (Листов В. С. «Сын казенного стрельца» — неосуществленный замысел Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 12. С. 118).

²⁵ Ломоносов. С. 588–589.

²⁶ Там же. С. 601.

²⁷ Там же. Курсив мой. — Е. П.

²⁸ Там же. С. 594.

²⁹ Именно этот второй план стихотворения был подчеркнут Пушкиным при первой публикации стихотворения в «Современнике». Как было указано в недавней работе Р. Лейбова, стихотворение Пушкина составляло здесь «тематическое единство» со статьей Плетнева «Императрица Мария», помещенной вслед за ним. «Если попытаться коротко сформулировать это тематическое единство. — пишет Р. Лейбов, — речь идет о программе идеальной монархии». Показательно и то, что Ф. Тютчев, стихотворению которого «Небо бледно-голубое...» и посвящена статья Р. Лейбова, не только «просирует» свое стихотворение на пушкинское, но и «описывает "небывалое доселе". Предметом изображения является не обычное, а экстраординарное событие. Это вписывается в тютчевский сюжет "чуждесной благодати"» (Лейбов Р. «Дагмарина неделя». Очерк контекстов одного стихотворения Тютчева // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Т. III. Тарту. 1999. С. 99–100).

“ПИКОВЫЕ ДАМЫ” ПУШКИНА И ШАХОВСКОГО

ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА

Речь пойдет о бытовании одного пушкинского текста в современной ему литературе и культуре — о сценической версии повести “Пиковая дама”. Хотим сразу оговорить, что нам предстоит анализировать и сопоставлять разномасштабные по своим художественным достоинствам тексты, что всегда представляет трудность для исследователя. Тем не менее, маргинальные для “большой” литературы явления помогают уточнить наше понимание “великих текстов” и, в особенности, их рецепцию современниками и последующими поколениями читателей.

Как известно, при жизни Пушкин как драматург не стяжал успеха на театральном поприще: его пьесы либо вообще не были поставлены на сцене, либо не имели успеха. Гораздо большей благосклонностью у зрителей 1820–30-х гг. пользовались переделки для театра пушкинских стихотворных и прозаических текстов¹. И здесь немалая заслуга принадлежит А. А. Шаховскому, одному из зачинателей жанра драматургической переделки (инсценировки) на русской сцене. Уже в 1824 г. он создал по мотивам эпизода из “Руслана и Людмилы” свою волшебную комедию “Фин”², а затем — романтическую трилогию в пяти действиях “Керим-Гирей”, где, как было сказано, «содержание взято из “Бахчисарайского фонтана”», поэмы А. С. Пушкина, и многие его стихи сохранены целиком³. В обоих случаях можно говорить о создании Шаховским собственного произведения по мотивам пушкинского текста: это “выборочный” Пушкин, прочитанный глазами Шаховского, приспособленный не только к законам сцены, но и к иной авторской системе и к вкусам зрителей⁴.

То же можно сказать и относительно театральной версии “Пиковой дамы”, поставленной на петербургской сцене в сен-